

Трибуна преподавателя

О. Н. Антипина¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. А. Миклашевская²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330

Посвящается 80-летию экономического факультета МГУ

О ТРАДИЦИИ ПРЕПОДАВАНИЯ БАЗОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ³

В статье отражена традиция преподавания экономической теории в Московском университете с конца XIX по начало XXI в. через базовые учебники, в которых проявились специфика, насыщенные теоретические и практические проблемы, характерные для соответствующих исторических периодов. Предложенный нарратив показывает появление инновационных учебников, олицетворяющих прорывы в области как предмета и метода экономической теории, так и методики ее преподавания. Любовь студентов и признание коллег стали заслуженными атрибутами учебников А. И. Чупрова, Н. А. Цаголова, Ю. Н. Черемных и многих других авторов, которые впитывали, развивали и из поколения в поколение передавали опыт преподавания фундаментальных экономических дисциплин. Избранный авторами подход, основанный на широко используемом в исследованиях различных интеллектуальных течений «принципе маятника», позволил увидеть запрос на учебники нового поколения, которые будут востребованы студентами и преподавателями в ближайшем будущем. Сохраняя системность в отражении экономической реальности, они должны соответствовать запросам эпохи цифровой экономики, когда на первый план со всей очевидностью выходит фундаментальная и одновременно практическая ориентация подготовки студентов. По мнению авторов, с точки зрения методики преподавания базовые курсы и учебники по экономической теории будет отличать повышение интерактивности, а их содержательное расширение будет происходить за счет поведенческих аспектов как на микро-, так и на макроуровне. Это даст возможность

¹ Антипина Ольга Николаевна — д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: antipina@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0002-2785-3543.

² Миклашевская Нина Анатольевна — к.э.н., доцент, экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: myklo@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5129-3163.

³ Статья подготовлена по материалам тезисов и докладов авторов на ежегодной научной конференции «Ломоносовские чтения. Секция экономических наук» на тему «Покорения экономических идей» в апреле 2021 г.

студентам получить запас современных знаний, включающий не только идеи мейн-стрима, но и обогащенный альтернативными теоретическими подходами к решению актуальных практических задач.

Ключевые слова: политическая экономия, экономическая теория, микроэкономика, макроэкономика, поведенческая экономика.

Цитировать статью: Антипина, О. Н., & Миклашевская, Н. А. (2021). О традиции преподавания базовой экономической теории в Московском университете: прошлое, настоящее, будущее. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (4), 237–254. <https://doi.org/10.38050/013001052021412>.

O. N. Antipina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. A. Miklashevskaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: A20, A22, A23, D00, D9, E00, E7

ON THE TRADITION OF TEACHING BASIC ECONOMIC THEORY AT MOSCOW UNIVERSITY: PAST, PRESENT, FUTURE

The article examines the tradition of teaching economic theory at Moscow University since the late 19th to the early 21st century through basic textbooks, which reflect the specificity, theoretical and practical problems of the corresponding historical periods. The narrative proposed shows the emergence of innovative textbooks that embody the breakthroughs in both the subject and method of economic theory and the methodology for its teaching. Apprehension of students and recognition of colleagues have become well-deserved attributes of manuals by A.I. Chuprov, N.A. Tsagolov and Yu.N. Cheremnykh. As well as many others, they absorbed, developed, and passed on from generation to generation the experience of teaching fundamental economic disciplines. Drawing on the «pendulum principle» widely used in the research of various intellectual thoughts, the authors show the main features of the new generation of textbooks that will be in demand by students and teachers shortly. While maintaining consistency in reflecting economic reality, the new manuals should meet the requirements of digital economy, such as fundamental and, at the same time, practical orientation of students. According to the authors, basic courses and textbooks on economic theory will be more interactive while their content expansion will occur due to behavioral aspects at both micro- and macrolevels. That will allow students to learn the principles of mainstream and alternative theoretical approaches to solving urgent practical problems.

Keywords: political economy, economic theory, microeconomics, macroeconomics, behavioral economics.

To cite this document: Antipina, O. N., & Miklashevskaya, N. A. (2021). On the tradition of teaching basic economic theory at Moscow University: past, present, future. *Moscow University Economic Bulletin*, (4), 237–254. <https://doi.org/10.38050/013001052021412>.

Введение

Преподавание экономической теории во все времена было и остается огромной интеллектуальной ответственностью, поскольку оно начинается с первых дней учебы студентов в университете и через него им открываются «ворота» в профессию. Не случайно экономическая теория (в ее различных, адекватных историческому периоду формах) входила и продолжает входить в число базовых дисциплин, содержанию и методике преподавания которых уделяется повышенное внимание.

Конечно, попытка полно изложить в одной статье более чем двухвековую традицию преподавания базовой экономической теории в Московском университете — идеалистический проект. Эта традиция зародилась гораздо раньше, чем история экономического факультета, созданного в 1941 г., и даже раньше, чем история кафедры дипломатии и политэкономии, открытой 5 ноября 1804 г. на отделении политических и нравственных наук. Еще до институционального оформления подготовки экономистов в Московском университете основы экономической теории преподавались в рамках курсов «Нравственная философия» и «Естественное право».

Именно поэтому нами был выбран следующий формат статьи: представить традицию преподавания экономической теории в Московском университете через базовые учебники, максимально соответствующие «духу времени», наиболее ярко и полно отражающие специфику, насущные теоретические и практические проблемы своего периода, а самое главное — завоевавшие любовь студентов и признание коллег. Этот подход представляется плодотворным еще и потому, что он позволяет увидеть запрос на учебники нового поколения, которые будут востребованы студентами и преподавателями в ближайшем будущем.

В этой связи в нашем нарративе будут представлены инновационные учебники, в разные исторические периоды подготовленные как авторами, которые впитывали, развивали и из поколения в поколение передавали опыт профессоров, заложивших традиции преподавания экономических дисциплин в Московском университете, так и теми, кто продолжает эту работу в наши дни.

Инновационные учебники: «принцип маятника»

Оригинальный взгляд на традицию преподавания экономической теории в Московском университете дает применение «принципа маятника», широко использующегося в исследованиях различных интеллектуальных течений. Его можно найти в книгах по эстетике, философии, истории искусства, архитектуры и литературы (например, в истории русской литера-

туры XIX–XX вв. периоды расцвета прозы и поэзии чередуются подобно движениям маятника)¹.

Предлагаемый нарратив отражает периоды появления инновационных учебников, олицетворяющих прорывы преимущественно в области как предмета и метода экономической теории, так и методики ее преподавания с конца XIX по начало XXI в.

В дореволюционное время «закономерности хозяйственных явлений» изучались по вышедшему в 1892 г. «Курсу политической экономии» А. И. Чупрова. В этом курсе, приспособленном под экзаменационные требования и структурированном по Ж.-Б. Сэю (на производство, обмен, распределение и потребление), предмет политической экономии определен как «деятельность человека, направленная на удовлетворение материальных потребностей», а также «связи и отношения... в области хозяйства» (Чупров, 1913, с. 4, с. 15). Предмет, а также методы исследования, изложенные в учебнике А. И. Чупрова, — наблюдение, индукция и дедукция, внутренний опыт, «статистика и история» (Чупров, 1913, с. 37–56) — выдают тренд в сторону неоклассического анализа, главные постулаты которого были оформлены в тот же исторический период в заложившем основы современной микроэкономики труде А. Маршалла «Принципы экономической науки» (Маршалл, 1993).

В советскую эпоху в «Курсе политической экономии» под ред. профессора Н. А. Цаголова был воплощен системный подход к изложению политической экономии капитализма и созданию политической экономии социализма, в реализации которого главную роль сыграла разработка оригинальных методологических оснований для изучения ее предмета — производственных отношений. Авторы опирались на метод восхождения от абстрактного к конкретному путем следования принципу единства логического и исторического. Новаторским результатом стало обоснование исходного отношения (для капитализма — товарной формы продукта труда, для социализма — плановости), основного отношения (для капитализма — купли-продажи рабочей силы, для социализма — непосредственного соединения производителей с обобществленными условиями производства), цели производства и основного экономического закона (для капитализма — закона прибавочной стоимости, для социализма — планового подчинения общественного производства «достижению полного благосостояния всех членов общества и свободного всестороннего развития личности каждого») (О творческом..., 2004, с. 12–13, Курс..., 1970, Т. 1, с. 176, Т. 2, с. 135).

¹ Подобный подход, в частности, применяет современная писательница Ольга Брейнингер (Ph.D., Harvard University), рассказывая об истории русской литературы XIX–XX вв. в десяти книгах (Брейнингер, 2019).

В условиях высокой скорости и радикальной глубины изменений в переходной экономике начала 1990-х гг., с одной стороны, срочно требовался отражающий новые явления учебник, но, с другой стороны, на подготовку фундаментальной работы объективно не было времени. Выход был найден профессором А. В. Бузгалиным, опубликовавшим курс лекций по политической экономии под названием «Переходная экономика». В нем были представлены результаты авторского исследования, предметом которого стали социально-экономические отношения переходной экономики «на основе метода диалектического единства исторического и логического» (Бузгалин, 1994, с. 6). Методика преподавания этой дисциплины неизбежно стала авторской — лекции от первого лица в разговорном стиле с частыми отступлениями, что сделало курс живым и с интересом воспринимаемым.

В начале XXI в. глубокое освоение предмета и инструментария исследований, накопленный методический опыт позволили преподавателям экономического факультета выпустить учебники микро- и макроэкономики, отвечающие самым высоким международным стандартам.

Учебник «Микроэкономика. Промежуточный уровень» А. Н. Чеканского и Н. Л. Фроловой широко отражает на промежуточном уровне предмет микроэкономики — закономерности поведения экономических субъектов в рыночной экономике. Дополнившее этот учебник пособие отличает новизна методики преподавания, нацеленная «не только на выработку «технических» навыков по решению задач и нахождению правильных ответов к тестам множественного выбора... но и на развитие у студентов способности применять аналитический аппарат микроэкономики к анализу конкретных ситуаций» (Чеканский, Фролова, 2005, с. 5).

Использование углубленного и разнообразного математического аппарата в учебнике Ю. Н. Черемных «Микроэкономика. Продвинутый уровень» сделало его актуальным не только для подготовки бакалавров, но и магистров, и даже аспирантов (Черемных, 2008). Особую востребованность у обучающихся и преподавателей этот учебник снискал благодаря набору учебно-методических материалов — вопросов, упражнений, задач, — дефицит которых особенно остро ощущался в вузах России, для которых стандарты преподавания на экономическом факультете МГУ были и остаются главным ориентиром.

В новаторском учебнике А. А. Никифорова, О. Н. Антипиной, Н. А. Миклашевской «Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика» макроэкономика представлена как совокупность научных школ. В таком подходе реализовалась оригинальная методика преподавания макроэкономики, предмет которой — экономика как единое целое. «Авторы данного учебника поставили перед собой задачу показать, во-первых, сущность концепции каждой конкретной ма-

кредитно-экономической школы, во-вторых, ее противоречивость и, в-третьих, как эта противоречивость разрешается в рамках сменяющей ее концепции» (Никифоров и др., 2010, с. 5). Таким образом, дается представление об общем и особенном в каждой концепции в единстве логического и исторического.

На промежуточный и продвинутый уровень курса ориентированы учебники Н. Л. Шагас и Е. А. Тумановой «Макроэкономика-2» и «Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода». В них макроэкономика представлена систематизированно по основным актуальным для российской экономики темам при удачном сочетании вербального и математического способа изложения материала (Шагас, Туманова, 2004, 2006).

В период цифровой трансформации шагом к созданию серии учебников нового поколения стала «Экономика для менеджеров» под ред. профессоров А. А. Пороховского и И. М. Тенякова — «системное видение и раскрытие как экономики в целом, так и каждого явления» (Экономика..., 2019, с. 14).

Впереди уже грядут новые учебники эпохи цифровой экономики, когда на первый план со всей очевидностью выходит фундаментальная и одновременно практическая ориентация подготовки студентов.

Какими они будут?

Учебники нового поколения для «зумеров» и «альфа»

Нынешние студенты — поколение Z («зумеры», «джензеры» или «зедеы») — вскоре уступят места в аудиториях «поколению альфа» 2010–2025 гг. рождения — детям миллениалов, которые уже родились или еще только появятся на свет.

Специалисты выделяют общие черты, присущие этим двум «соседним» поколениям.

Во-первых, для них не существует четких границ между реальной и виртуальной жизнью, а значит, и между очным и дистанционным обучением.

Во-вторых, они способны быстро адаптироваться к обстоятельствам, что становится залогом их успеха, ибо за профессиональный успех им придется конкурировать не только с людьми, но и с роботами.

В-третьих, они испытывают проблемы с концентрацией внимания вследствие мультизадачности, а также обилия информации и визуальных объектов, с которыми они сталкиваются в виртуальной среде.

В-четвертых, они выше, чем предыдущие поколения, ценят ответственность и честность, что — есть надежда — будет распространяться и на нормы академической этики.

При этом у «поколения альфа» будут проявляться и собственные отличительные признаки, в частности, это поколение будет более образованным вследствие более широкого доступа к обучению за счет информаци-

онных технологий, а также будет выше ценить индивидуальный подход как в стиле жизни, так и в образовании (Эра альфа).

Следовательно, учебники нового поколения для «зумеров» и «альфа» должны, во-первых, с методической стороны быть максимально интерактивными, и, во-вторых, их теоретическая составляющая должна отражать реалии цифровой экономики.

Как показывает опыт периода пандемии COVID-19, интерактивность учебных материалов чрезвычайно необходима для дистанционного формата обучения. В их разработке отечественным специалистам могут быть полезны результаты международной практики. Так, к примеру, проект The Economy, разработанный на открытой платформе CORE, может стать достойным образцом для создания учебника нового поколения, знакомящего студентов не только с основами микро- и макроэкономики, но и дающего представление о таких проблемах, как неравенство и загрязнение окружающей среды, при активном использовании интерактивных упражнений (The Economy).

Включение в базовые курсы и учебники микро- и макроэкономики тем, расширяющих знания студентов о реальном экономическом мире, в котором они живут, представляется очень важным.

К примеру, инновации в области информационно-коммуникационных технологий в XXI в. дали толчок бурному развитию платформ — многосторонних рынков, обеспечивающих заинтересованные стороны возможностями контактов для заключения сделок. Многие традиционные для микроэкономики вопросы — ценообразование, конкуренция, интернализация экстерналий (в данном случае сетевых) — применительно к платформам имеют специфические решения. Это означает, что изучение рыночных структур будущими профессиональными экономистами не может ограничиваться лишь совершенной конкуренцией, монополиями, монополистической конкуренцией и олигополиями.

При этом главным направлением, по которому уже в ближайшей перспективе объективно потребуются расширение базовых курсов и учебников, на наш взгляд, станут поведенческие аспекты как на микро-, так и на макроуровне.

Развитие экономической теории и новые учебники: взгляд в будущее

Изучение и моделирование поведенческих аспектов выбора, совершаемого экономическими субъектами, приближает теорию к более реалистичному обобщению экономических закономерностей. Призыв к этому прозвучал еще в 1950-х гг. в статьях Х. Лейбенштейна, предложившего подход к моделированию социальных воздействий на экономическое поведение, и Г. Саймона, выдвинувшего концепцию ограниченной рациональности.

Однако если теоретическое воплощение ограниченной рациональности является непростой задачей, поскольку никакой общей фундаментальной предпосылки, аналогичной по силе предпосылке о рациональном поведении экономических субъектов, не существует, то идея исследовать поведение индивидов с помощью психологически достоверных допущений оказалась весьма плодотворной. Наиболее яркий отклик она получила в работах Г. Беккера, Д. Канемана и А. Тверски, чей подход развивают многие современные экономисты, выполняющие исследования в области поведенческой экономики.

Поведенческая микроэкономика, не отвергая, а, напротив, отстаивая предпосылку о рациональности выбора, во-первых, рассматривает индивидов, которые максимизируют имеющую специфический вид функцию полезности (или «функцию ценности»), учитывающую нестандартность предпочтений. Действительно, индивид может обладать консистентными (полными и транзитивными) предпочтениями, но эти предпочтения могут быть любыми (например, альтруистическими, а не эгоистическими), а его поведение будет рациональным в случае выбора *наилучшего варианта потребления из всех* доступных при наличии ограничений.

Во-вторых, в процессе принятия решений индивид может быть подвержен неординарным убеждениям и/или иметь специфический подход к оценке вероятности развития ситуации и принятию решений. Тогда его поведение может рассматриваться, к примеру, с использованием нестандартной функции полезности с учетом необычного формата стратегии принятия решений, а также особенностей формирования убеждений в вероятности наступления возможных исходов неопределенных ситуаций.

В-третьих, как подчеркивают теоретики поведенческой макроэкономики, недостаточно признания предпосылки о рациональности поведения на микроуровне, чтобы достоверно объяснять события, происходящие на макроуровне. Они утверждают, что при агрегировании поведения экономических агентов макроэкономическая теория должна исходить из признания неоднородности (гетерогенности) экономических агентов, наличия у них когнитивных ограничений, их неспособности осваивать и анализировать весь массив поступающей информации, который неизмеримо возрос в эпоху развития интернета и цифровых технологий, неумения учитывать в своих действиях реакцию других агентов на происходящие события и на новую информацию.

Как следствие, более сложной становится формализация принятия нестандартных решений в экономических моделях.

Современная макроэкономика придает большое значение ожиданиям экономических агентов, в соответствии с которыми они осуществляют свои действия. Однако при наличии реалистических поведенческих предпосылок большинство экономических агентов не могут формиро-

вать рациональные ожидания, которые лежат в основе господствующей макроэкономической теории мейнстрима, их ожидания становятся иррациональными. При этом теоретики поведенческой макроэкономики выделяют диагностические, интуитивные, экстраполяционные, наивные и другие типы иррациональных ожиданий. Следовательно, действия неоднородных экономических агентов не приводят к тому оптимальному макроэкономическому равновесию, которое вытекает из теории мейнстрима, и во многом объясняют, почему макроэкономическая политика, основанная на выводах мейнстрима, зачастую оказывается неэффективной.

Поведенческая макроэкономика исходит из предпосылки, что действия экономических агентов основываются не на рациональных ожиданиях, а на простых правилах — эвристиках, т.е. стратегиях, которые игнорируют часть информации для того, чтобы быстрее, экономнее и точнее принимать решения, чем в случае обращения к более сложным методам. Пересмотр правил нередко происходит в процессе обучения экономических агентов на собственном опыте. Эвристики зачастую дают лучшие результаты, чем решения, принятые на основе рациональных ожиданий. Так, с помощью агентного моделирования доказано, что среднеквадратические ошибки прогноза спроса у эвристически ориентированных агентов в 8 раз меньше, чем у агентов, пользующихся сложными математическими моделями, в частности моделями RLS, в основе которых лежит метод оценки коэффициентов на основе рекурсивных остатков (Recursive Least Squares) (Dosi et al., 2017). Разброс размера прибыли RLS-агентов намного больше, чем у эвристических агентов, т.е. вероятность того, что им придется покинуть рынок, выше, чем у фирм, следующих эвристикам.

В настоящее время поведенческая макроэкономика набирает обороты и бросила серьезный вызов мейнстриму, который ослабил свои позиции вследствие двух глобальных кризисов начала XXI в. и сегодня все активнее подвергается критике. Он не смог дать ответы на ряд важнейших проблем. По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Акерлофа (Akerlof, 2002), к таким нерешенным проблемам относятся: наличие устойчивой вынужденной безработицы, что противоречит концепции естественного уровня безработицы; влияние монетарной политики на объем выпуска и уровень занятости, т.е. отсутствие нейтральности денег; невозможность ускорения дефляции при высоком уровне безработицы, что не соответствует стандартной версии кривой Филлипса; распространенность ситуации выхода на пенсию с недостаточным уровнем сбережений, что входит в противоречие с гипотезой эквивалентности Барро—Рикардо; сильные колебания цен на фондовых рынках по сравнению с изменением фундаментальных рыночных показателей, что ставит под сомнение правомерность господствовавшей до мирового кри-

зиса 2008–2009 гг. гипотезы эффективного рынка (Миклашевская и др., 2018, с. 35). К этому списку стоит добавить наблюдаемое во многих странах падение экономики в кризисной ситуации, когда отсутствуют фундаментальные факторы, вызывающие спад деловой активности, согласно неоклассической теории.

Сегодня поведенческая макроэкономика представляет новое видение проблем и дает ответы на не решенные в рамках мейнстрима вопросы. Следует отметить достижения представителей поведенческой макроэкономики в области теории потребления и сбережений, инвестиций, совокупного предложения, колебаний деловой активности, финансовых рынков, макроэкономической политики, общего макроэкономического равновесия (Миклашевская и др., 2018, с. 37). В частности, исследователи данного направления дополнили поведенческими факторами стохастическую динамическую модель общего экономического равновесия (модель DSGE) и тем самым улучшили ее объяснительные способности.

Как утверждают представители поведенческой макроэкономики, поведение потребителей определяется не только экономическими мотивами, такими как уровень располагаемого или перманентного дохода, но и психологическими, когнитивными, эмоциональными характеристиками индивидов, состоянием их памяти, социальными нормами, эталонами, привычками и т.п. Они смогли разгадать загадку феномена мегapotребления, которое наблюдалось в экономиках развитых стран в период с 1980-х гг. до начала мирового финансового кризиса 2007 года, который затем перерос в великую рецессию 2008–2009 гг. (Миклашевская и др., 2018, с. 37). На основе синтеза гипотезы относительного дохода Дж. Дьюзенбери (которая была выдвинута еще в конце 50-х гг. прошлого века и опиралась на социальную психологию) и теории перманентного дохода М. Фридмана, разработанной несколькими годами позже, Ф. Альварес-Куадрадо и Н. Ван Лонг выдвинули «гипотезу относительного дохода как версии перманентного дохода» (Alvares-Cuadrado, Van Long, 2011). Распространив гипотезу относительного дохода на межвременной уровень исследования, они пришли к выводу, что для экономики с пересекающимися поколениями, в которой домашнее хозяйство получает полезность от досуга, накопленного богатства и относительного уровня потребления, размер текущего потребления зависит не только от величины перманентного дохода домохозяйства, но и от перманентного дохода среднего представителя реальной или воображаемой референтной социальной группы, которая ему представляется эталонной (Миклашевская и др., 2018, с. 37). Подобные устремления домохозяйств теоретически объясняют безудержную гонку за потреблением.

Слабую реакцию текущего потребления на изменение текущего дохода, что подтверждается эмпирическими исследованиями, объясняет модель

«привычки потребления» Д. Фюрера. Сущность формирования привычки состоит в том, что потребители желают сгладить как уровень потребления, так и его изменение. В ответ на шоки процентных ставок или дохода как уровень потребления, так и его изменение реагируют постепенно, делая функцию полезности выпуклой (Fuhreg, 2000). Этот вывод входит в противоречие с теорией «случайного блуждания» потребления представителя новой классической школы Р. Холла, в соответствии с которой потребление немедленно реагирует на поступление новой информации.

Исследователи в области поведенческой экономики доказывают, что предпочтения потребителя динамически непоследовательны и могут быть представлены «квазигиперболической» функцией полезности (Laibson, 1997, p. 449–451):

$$U_t = E_t \left[U(c_t) + \beta \sum_{\tau=1}^{T-t} \delta^\tau u(c_{t+\tau}) \right],$$

где $0 < \delta < 1$ — коэффициент дисконтирования, а параметр β характеризует смещение потребления к текущему периоду.

Использование «квазигиперболического» дисконтирования ($0 < \beta < 1$), а не общепринятого в неоклассической теории экспоненциального дисконтирования ($\beta = 1$) означает, что потребитель может систематически пересматривать ранее принятые решения, к примеру, вследствие проблемы с самоконтролем (Holden, 2012).

Исследования, основанные на различных формах гиперболического дисконтирования, оказались полезными при разработке планов сбережений в реальном мире. Например, программа «сэкономьте больше завтра», разработанная и протестированная Р. Талером и С. Бенарци, была призвана решить задачу преодоления поведенческих ограничений, мешающих формированию оптимальной стратегии сбережений домашних хозяйств, которые, во-первых, не знают, как рассчитывать оптимальную норму сбережений, а во-вторых, не могут себя контролировать в отношении сокращения текущего потребления в пользу будущего потребления (Thaler, Benartzi, 2004).

По мнению сторонников поведенческой экономики, инвесторы принимают решения, руководствуясь интуитивными ожиданиями, не прибегая к скрупулезным анализам бухгалтерской отчетности. Их действия подчиняются «животным инстинктам», т.е. собственным ощущениям и суждениям об эффективности инвестиционных проектов. Кроме этого, в период шоков они часто подвергаются различным страхам, «эффекту заражения», «стадному чувству», а также «следуют за толпой», т.е. ведут себя иррационально.

Как полагают теоретики поведенческой макроэкономики, состояние рынка труда, уровень занятости зависят от «самосбывающихся ожиданий»

участников фондового рынка относительно будущей стоимости активов. Поведение фондового рынка, в свою очередь, зависит от настроений инвесторов, многие из которых находятся в плену собственных убеждений. Направление в рамках поведенческой экономики — так называемая экономика сознания (Mindful Economics) — объясняет, почему экономические агенты, в том числе участники фондового рынка, принимают нерациональные решения: отказ от собственных убеждений сопровождается потерями для индивидов, поскольку убеждения рассматриваются ими как экономические блага/активы, служат удовлетворению потребностей, представляют собой эмоциональную или функциональную ценность. Для сохранения убеждений используются различные стратегии самообмана, однако с точки зрения совокупных результатов следование подобным стратегиям может обернуться для общества образованием мыльных пузырей на фондовых рынках, неизбежное схлопывание которых приводит к серьезным экономическим последствиям.

Большое место в работах поведенческих макроэкономистов уделяется колебаниям деловой активности. Они полагают, что причины макроэкономических колебаний стоит искать в волнах пессимизма и оптимизма, которые зависят от рыночных настроений инвесторов по поводу будущего состояния экономики. Эти настроения формализуются в макроэкономических моделях. «Если на рынках преобладают так называемые фундаменталисты, которые в случае отклонения ВВП от уровня «полной занятости» предполагают в следующем периоде возвращение экономики на уровень потенциального ВВП («обнуление» разрыва ВВП), на рынках присутствуют оптимистические настроения. Если же на рынках преобладают так называемые экстраполяционисты, которые в случае отклонения ВВП от уровня «полной занятости» в следующем периоде ожидают сохранение разрыва ВВП, экономика «накрывается» волной пессимизма» (Миклашевская и др., 2018, с. 41). Чередование рыночных настроений и обуславливает колебания деловой активности. Другими словами, поведение совокупного выпуска — спады и подъемы — определяются самосбывающимися ожиданиями инвесторов. Раскрывая механизм формирования самосбывающихся ожиданий, исследователи отвечают на вопрос, почему разрывы ВВП в реальной жизни не имеют нормального распределения, объясняя это тем, что в течение делового цикла рыночные настроения инвесторов (их оптимизм или пессимизм) непредсказуемы и переменчивы (De Grauwe, Ji, 2020). При этом ожидаемые экзогенные шоки влияют на формирование рыночных настроений, вызывая в них изменения, которые могут быть не связаны с фактическими фундаментальными показателями (Milani, 2011).

Изучая причины и последствия глобальной рецессии 2008–2009 гг. представители поведенческого направления в макроэкономической теории дают ответы на вопросы, почему кризис был столь широкомасштаб-

ным и распространился даже на страны с позитивными фундаментальными показателями, почему в посткризисный период происходило вялое оживление мировой экономики. Одна из причин заключается в гетерогенности ожиданий, которые влияют на тип реакции экономических агентов на шок, при этом иррациональные ожидания могут усиливать друг друга, имитируя стратегию большинства (Миклашевская и др., 2018, с. 40). Исследуя трансмиссионный механизм современных кризисов, они приходят к выводу, что сегодня не только торговый и финансовый каналы способствуют быстрому международному распространению кризисов, но и значительную роль играет так называемый канал «животных инстинктов», рыночных настроений инвесторов, действие которого объясняет во многом усиление синхронизации бизнес-циклов.

П. Де Гров и Ю. Джи исследовали факторы международной синхронизации бизнес-циклов в странах ЕС, в том числе влияние политики центральных банков (ЦБ), направленной на стабилизацию совокупного выпуска. По их оценке, корреляция «животных инстинктов» между странами, входящими в валютный союз (страны Еврозоны), достигает уровня 0,95, а в странах ЕС, не входящих в Еврозону, коэффициент корреляции «животных инстинктов» составляет 0,73. Коэффициент корреляции деловых циклов в странах Еврозоны составляет 0,82, а в остальных странах ЕС он находится на уровне 0,61 (De Grauwe, Ji, 2017).

При нулевой корреляции экзогенных шоков корреляция разрыва выпуска (отклонения фактического ВВП от его потенциального уровня) между странами достигает значения 0,7 в странах Еврозоны, и 0,4 — в европейских странах с независимыми ЦБ. В странах ЕС — не членах еврозоны изменения в разрыве выпуска порождаются пессимистическими ожиданиями в странах — членах валютного союза, распространение которых приводит к сокращению выпуска и росту разрыва выпуска в странах с независимыми ЦБ, то есть синхронизация бизнес-циклов происходит эндогенно. Авторы на основе своей модели также пришли к выводу, что синхронизация бизнес-циклов происходит не только при отсутствии идентичных экзогенных шоков, но и даже в случае отсутствия торговой интеграции (предельная склонность к импортированию равна нулю) из-за действия канала передачи «животных инстинктов» инвесторов.

Затяжной выход мировой экономики из рецессии, по мнению исследователей, кроется в пересмотре устойчивых ожиданий. После глобальной рецессии возросли риски повторения аналогичного по глубине кризиса. В посткризисный период инвесторы стали более осторожными при принятии инвестиционных решений. Об этом свидетельствует снижение заимствований частного сектора (снижение объемов кредитования) и поведение кредитных спрэдов (компенсация, получаемая инвесторами за принятие на себя кредитных рисков), демонстри-

рующих рост, что означает присутствие неопределенности и неуверенности инвесторов в благоприятном исходе будущих событий и росте степени риска дефолта компаний в будущем. Снижение уровня корпоративной задолженности свидетельствует о наличии пессимистических ожиданий, которые обуславливают замедление экономического роста (Kozlowski et al., 2015).

Отход от канонов, задаваемых традиционной теорией с рациональными ожиданиями, способен обогатить макроэкономическую теорию и приблизить ее выводы к реальной жизни. Сторонники поведенческой макроэкономики проливают свет на загадку инфляционной инерции. Созданная ими гибридная версия кривой Филлипса, в уравнение которой включаются как дальновидные, так и близорукие и ретроспективные ожидания, была протестирована в ходе лабораторного эксперимента и продемонстрировала, что лаговая составляющая инфляции «в рамках данной модели может быть объяснена применением метода экстраполяции теми экономическими агентами, которые не имеют достаточной информации о будущем или получение которой обошлось бы им слишком дорого» (Orland, Roos, 2013, Миклашевская и др., 2018, с. 43).

Многие работы теоретиков поведенческой экономики посвящены макроэкономической политике, ответам на вопросы, почему она довольно часто не дает желаемых результатов. Они утверждают, что, чем больше в экономике «близоруких» домашних хозяйств, которые не имеют доступа к рынкам капитала, опасаются сбережений, не знают о межвременных возможностях потребителей и т.д. и которые при принятии решений следуют эвристическому правилу «большого пальца», тем менее успешной будет политика ЦБ, основанная на манипулировании процентными ставками. При наличии определенной доли потребителей, следующих «правилу большого пальца», монетарное правило Тейлора больше не гарантирует единственность равновесия (Galí et al., 2004, Миклашевская и др., 2018, с. 41–42). Правило Тейлора является оптимальным в экономике с рациональными экономическими агентами. Однако с увеличением доли агентов с ограниченной рациональностью потери благосостояния от использования недискреционной политики увеличиваются, так как правило Тейлора не может стабилизировать изменчивость индивидуальных убеждений (Di Bartolomeo et al., 2016).

Как свидетельствуют результаты исследований, опережающее управление (*forward guidance*) как один из нетрадиционных инструментов современной монетарной политики обладает значительно меньшими возможностями для стимулирования экономики при наличии гетерогенных экономических агентов с ограниченной рациональностью (McKay et al., 2016).

Монетарная политика может принимать участие в «рождении» того или иного типа волны пессимизма/оптимизма. «Целевой уровень инфля-

ции как 0%, так и 2% сопровождается высокой вероятностью достижения минимального уровня номинальных процентных ставок, тем самым создавая отрицательное смещение в распределении разрыва ВВП» (De Grauwe, Ji, 2016, Миклашевская и др., 2018, с. 41).

Таким образом, включение поведенческих предпосылок в стандартные экономические модели делает их более правдоподобными и приближенными к реальной жизни, что приводит к очевидному прогрессу в понимании экономических явлений и процессов. Успехи поведенческой микро- и макроэкономики дают основания задуматься о включении ее достижений в промежуточный и продвинутый курсы и дополнении учебников по микро- и макроэкономике новой поведенческой научно-исследовательской программой.

Заключение

Традиция преподавания базовой экономической теории в Московском университете в XXI в. сохраняет присущий ей системный подход к отражению экономической реальности.

Развитие экономической теории на современном этапе идет в направлении смещения акцентов в область поведенческих аспектов, что улучшает объяснительные и прогностические способности традиционных моделей. Включение поведенческой микро- и макроэкономики в преподаваемые курсы и учебники поможет освоению экономической теории в историческом и логическом контексте, в диалектическом процессе борьбы и единства противоположностей.

В этой связи следует подчеркнуть два обстоятельства.

Во-первых, полного отвержения предшествующих теоретических моделей не произойдет. Поведенческая микроэкономика не заменяет, а дополняет неоклассическую микроэкономiku, объясняющую принципы стандартного рационального поведения, которые продолжают оставаться присущими индивидам. Поведенческая макроэкономика успешно развивает и обогащает мейнстрим, становясь новой научно-исследовательской парадигмой.

Во-вторых, чем глубже будет происходить включение поведенческих аспектов в курсы и учебники экономической теории, тем полнее будет в них отражаться взаимопроникновение проблематики микро- и макроэкономического анализа, дающее более полную и многогранную картину экономической действительности.

Таким образом, изучение микро- и макроэкономической теории не только в рамках мейнстрима, но и с позиции поведенческой экономики даст возможность студентам получить запас современных знаний, расширить кругозор и обогатиться новыми альтернативными теоретическими подходами к решению актуальных практических задач.

Список литературы

Брейнингер, О. (2019). *История русской литературы в 10 книгах*. Часть 1. Дата обращения 02.02.2020, <https://www.youtube.com/watch?v=0i6X4F1tM4A> Часть 2. Дата обращения 02.02.2020, <https://www.youtube.com/watch?v=rylgYKcnyTw>

Бузгалин, А. В. (1994). *Переходная экономика: курс лекций по политической экономии*. М.: Таурус, Просперус.

Маршалл, А. (1993). *Принципы экономической науки*. Т.1. М.: Изд. группа «Прогресс».

Миклашевская, Н. А., Антипина, О. Н., & Никифоров, А. А. (2018). Поведенческая макроэкономика до и после Великой Рецессии. *Экономическая наука современной России*, 1(80), 33–48.

Никифоров, А. А., Антипина, О. Н., & Миклашевская, Н. А. (2010). *Макроэкономика: научные школы, концепции, экономическая политика*. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело и Сервис.

Пороховский, А. А., Теняков, И. М. (ред.) (2019). *Экономика для менеджеров*. Учебник. В 2 книгах. М.: Книга-Мемуар.

Хубиев, К. А. (ред.) (2004). *О творческом наследии Н. А. Цаголова: К 100-летию со дня рождения*. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.

Цаголов, Н. А. (ред.) (1970). *Курс политической экономии*. В 2 т. Изд. 2-е, доп. М.: Экономика.

Чеканский, А. Н., & Фролова, Н. Л. (2005). *Микроэкономика. Промежуточный уровень*. Учебник. М.: ИНФРА-М.

Черемных, Ю. Н. (2008). *Микроэкономика. Продвинутый уровень*. Учебник. М.: ИНФРА-М.

Чупров, А. И. (1913). *Курс политической экономии*. М.: М. и С. Сабашниковы.

Шагас, Н. Л., & Туманова, Е. А. (2004). *Макроэкономика. Элементы продвинутого подхода*. М.: ИНФРА-М.

Шагас, Н. Л., Туманова, Е. А. (2006). *Макроэкономика-2*. М.: Изд-во МГУ.

Эра альфа: что будет после поколения Z? РБКстиль. Дата обращения 08.05.2021, <http://genz.style.rbc.ru/article-18.html>.

Akerlof, G. (2002). Behavioral Macroeconomics and Macroeconomic Behavior. *American Economic Review*, 92(3), 411–433. <https://doi.org/10.1257/00028280260136192>

Alvares-Cuadrado, F., & Van Long, N. (2011). The Relative Income Hypothesis. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 35(9), 1489–1501. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2011.03.012>

De Grauwe, P., & Ji, Y. (2020). Structural Reforms, Animal Spirits, and Monetary Policies. *European Economic Review*, 124, May, 1–29. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103395>

De Grauwe, P., & Ji, Y. (2017). The International Synchronisation of Business Cycles: The Role of Animal Spirits. *Open Economic Review*, 28, 383–412. <https://doi.org/10.1007/s11079-017-9434-3>

Di Bartolomeo, G., Di Pietro, M., & Giannini, B. (2016) Optimal monetary policy in a New Keynesian model with heterogeneous expectations. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 73(C), 373–387. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2016.10.003>

Dosi, G., Napoletano, M., Roventini, A., Stiglitz, J., & Treibich, T. (2020). Rational Heuristics? Expectations and Behaviors in Evolving Economies with Heterogeneous Interacting. *NBER Working Paper 26922*, 1–45. <http://www.nber.org/papers/w26922>

Fuhrer, J. (2000). Habit Formation in Consumption and its Implications for Monetary-Policy Models. *American Economic Review*, 90(3), 367–390. <https://doi.org/10.1257/aer.90.3.367>

Gali, J., Lopez-Salido, D., & Valles, J. (2004). Rule-of-Thumb Consumers and the Design of Interest Rate Rules. *Journal of Money, Credit, and Banking*, 36(4), 739–763.

Holden, S. (2012). Implications of Insights from Behavioral Economics for Macroeconomic Models. *Norges Bank's Working Paper* 12, 1–33.

Kozlowski, J., Veldkamp, L., & Venkateswaran, V. (2015). The Tail that Wags the Economy: Belief-Driven Business Cycles and Persistent Stagnation. *NBER Working Paper* 21719. <http://www.nber.org/papers/w21719>

Laibson, D. (1997). Golden Eggs and Hyperbolic Discounting. *The Quarterly Journal of Economics*, 112(2), 443–478. <https://doi.org/10.1162/003355397555253>

McKay, A., Nakamura, E., & Steinsson, J. (2016). The Power of Forward Guidance Revisited. *American Economic Review*, 106(10), 3133–3158. <https://doi.org/10.1257/aer.20150063>

Milani, F. (2011). Expectation Shocks and Learning as Drivers of the Business Cycle. *The Economic Journal*, 121(552), 379–401. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2011.02422.x>

Orland, A., & Roos, M. (2013). The New Keynesian Phillips Curve with Myopic Agents. *Journal of Economic Dynamics & Control*, 37(11), 2270–2286. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2013.05.015>

Thaler, R. H., & Benartzi, S. (2004). Save Tomorrow™: Using Behavioral Economics to Increase Employee Saving. *Journal of Political Economy*, 112 (S1), 164–187. <https://doi.org/10.1086/380085>

The Economy. The CORE Team. Дата обращения 08.05.2021, <https://www.core-econ.org/the-economy/>

References

Breiningер, O. (2019). The History of Russian Literature in 10 Books. Part 1. Date of application 02.02.2020, <https://www.youtube.com/watch?v=0i6X4F1tM4A> Part 2. Date of application 02.02.2020, <https://www.youtube.com/watch?v=rylgYKcnyTw>

Buzgalin, A. V. (1994). *Economy in Transition: A Course of Lectures on Political Economy*. M.: Taurus, Prosperus.

Marshall, A. (1993). *Principles of Economics*. T. 1. M.: Publishing Group «Progress».

Miklashevskaya, N. A., Antipina, O. N., & Nikiforov, A. A. (2018). Behavioral Macroeconomics before and after the Great Recession. *Economic Science of Modern Russia*, 1(80), 33–48.

Nikiforov, A. A., Antipina, O. N., & Miklashevskaya, N. A. (2010). *Macroeconomics: Scientific Schools, Concepts, Economic Policy*. Textbook. 2nd ed., Rev. and add. M.: Publishing House «Business and Service».

Porokhovskiy, A. A., & Tenyakov, I. M. (Eds.) (2019). *Economics for Managers*. Textbook. In 2 books. M.: Publishing House «Book-Memoir».

Khubiev, K. A. (Ed.) (2004). *About the Creative Heritage of N. A. Tsagolov: On the 100th Birth Anniversary*. M.: Faculty of Economics, Moscow State University, TEIS.

Tsagolov, N. A. (Ed.) (1970). *Political Economy Course*. In 2 volumes. 2nd ed., add. M.: Ekonomika.

Chekansky, A. N., & Frolova, N. L. (2005). *Microeconomics. Intermediate Level*. Textbook. M.: INFRA-M.

Cheremnykh, Yu. N. (2008). *Microeconomics. Advanced Level*. Textbook. M.: INFRA-M.

Chuprov, A. I. (1913). *Political Economy Course*. M.: M. and S. Sabashnikov.

Shagas, N. L., & Tumanova, E. A. (2004). *Macroeconomics. Elements of an Advanced Approach*. M.: INFRA-M.

Shagas, N. L., & Tumanova, E. A. (2006). *Macroeconomics-2*. M.: Publishing House of Moscow State University.

The Era of Alpha: What Will Happen After Gen Z? RBCstyle. Date of application 08.05.2021, <http://genz.style.rbc.ru/article-18.html>